

Северный Павел Александрович

Лики неповторимой России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Александрович С.**
Лики неповторимой России / Северный Павел Александрович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 259 с.

ISBN 978-5-519-85101-5

ISBN 978-5-519-85101-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава первая.

В домъ на берегу Камы, в саду старых черемух...

1

Не далеко от Перми, вниз по Камѣ, на высоком берегу, на скатах холма сгрудились избы большого торгового села, утопая в березовых кудрявых рощах.

Село богатое, с каменной церковью.

На холмѣ, в саду сѣяных древних черемух стоял барскій дом с колоннами, принадлежащій теперь генеральшѣ Анастасіи Прокопьевнѣ.

Барскій дом был построен давно, по приказу вельможи Демидова князя Сан-Донато, и престарѣлой генеральшѣ перешел по наслѣдству от предков, одному из коих, в Санкт-Петербургѣ, Демидов, проиграл его в карты.

Одноэтажный дом был построен кондово, как позволяли то несмѣтные капиталы вельможи. Размашисто был построен, просторно и крѣпко на крѣпко. На вѣка построен.

Одних жилых горниц в нем было тридцать

двѣ, не считая большого зала, в котором можно было давать балы человек на двѣсти.

Давно стоял дом на холмѣ, так давно, что его домовому наскучило даже вести счет годам. В селѣ о нем болтали многое. Было в этой болтовнѣ много пустого, колдовского и недобраго, говаривали даже, что в нѣкоторых горницах нельзя жить из-за привидѣній. Говорили досужіе языки то, что обыкновенно плетут про старые барскіе дома.

Стоял домъ на высоком фундаментѣ, и из окон мезонина с балконом открывался вид на красавицу Каму, на село, на заливные дуга на другом берегу.

Иногда десятками лѣтъ он стоял пустой. И только лѣтъ десять тому назад, в нем не отлучно поселилась его теперешняя владѣлица генеральша Анастасія Прокопьевна, прибывшая из Москвы, послѣ смерти своего мужа, заслуженнаго генерала в отставкѣ. А умер ее муж тоже не совсѣм обычно: на балу рѣшил вспомнить молодость, танцевал с молодой дѣвушкой мазурку, поскользнулся не ловко на паркетѣ, упал, да и скончался внезапно от разрыва сердца...

Смерть мужа потрясла генеральшу. Опечаленная она продала свои московскіе дома, забрала с собой дорогія ей по памяти вещи и перевезла в старый дом на берегу Камы. Жила она в нем в обществѣ старых слуг: горничной Аннушки и лакея Мелассипа, а также многолюдной дворни. За-

нимаясь хозяйством, разводя кур и гусей, которых зимой кололи и мороженными отправляли в столицу.

Черемуховый сад, поясом, без малого версты три, окружал дом со всѣх сторон, сливаясь — с одной стороны с сельскими березовыми рощами, а с других сторон — с дремучими пермскими лѣсами.

Весной сад благоухал ароматом цвѣтуших деревьев и казался тогда среди, буйной зелени окружающей природы садом, заколдованным зимним морозом, на вѣтвях которого, душистый иней не способно растопить даже жаркое весеннее солнце.

Лѣтом короткими ночами в саду слышалось пѣніе и трели соловьев.

Осенью шуршали опавшіе листья и каркали вороны, слетаясь на ночлег с сжатых сельских полей.

А когда наступала зима, в нем бѣгали зайцы, глодали стволы черемух, стрекотали сороки, кричали совы тревожно, тревожно...

Пушистый снѣг вначалѣ, как пух, заносил зеркальный лед Камы, заметал сугробами избы и улицы села, волнами ложился на аллеи сада и в мороз гулко поскрипывал под валенками прохожих. Зимой круглые сутки мимо дома, на просторы рѣки, тянулись в ту и в другую сторону обозы с кладью, везя ее в Пермь или же из Перми на дороги губерніи.

Жизнь в домѣ шла спокойная, неторопливая, хорошо налаженная. Жизнь среди уютных старых вещей, хранящих в себѣ запахи и тайны прошлаго.

Суровое время пощадило стѣны дома; правда, бывало что иногда они трескались, но трещины чинились, и он стоял как будто новый, как будто только вчера выстроенный. Иногда его перекрашивали в разные цвѣта, смотря по желанію живших в нем хозяев.

По приказу генеральши каждую весну его бѣлили, а перекрытую уже много раз деревянную крышу, покрыли желѣзомъ и красили в зеленый цвѣт.

Но если с внѣшней стороны дом мѣнялъ свой облик, по желанію обитателей, то внутри в нем все было по прежнему, и даже генеральша не захотѣла мѣнять его древній уклад и только нѣкоторыя комнаты заперли на ключ, и в них, среди тишины, обитал, как хотѣлъ, сѣренькій старичек на кривых волосатых ногах — російскій домовой.

Не смотря на строгій порядок в жизни дома, замкнутости и одиночества генеральша не выносила, а потому рѣдкій день в дом не пріѣзжали гости из Перми, или из других городов Имперіи — благо знакомых и друзей у нея было не мало. Слава о хлѣбосольствѣ генеральши была хорошо известна, и всякій старался поддержать с ней зна-

комство, ибо богатство, почет, знатность и связи вліятельной старухи с столицами всегда и для каждого могли пригодиться.

2.

В этом году зима была сугробная и вѣтренная...

На разсвѣтѣ январьскаго утра, когда за рѣчными лѣсами чуть-чуть занялась замороженная заря повалил густой снѣг, а на колокольнѣ сельской церкви Успенія Богоматери ударили в колокол к ранней обѣднѣ.

Из-за камских просторов задул вѣтер и понес поземку в сторону села. Началась метель.

Доносимый вѣтром до усадьбы благовѣст, разбудил дряхлаго лакея Меласиппа, жившаго за домом, в маленькой избушкѣ.

Открыв глаза, старик трижды перекрестился, долго протирал руками слезливые глаза: охая, поднялся с постели и опустившись на колѣни на телячій коврик начал молиться, читая всегда однѣ и тѣ же молитвы. Окончив молитву, он встал босыми ногами на табуретку и, приставив ладонь рюмочкой к огоньку лампадки, дунув, погасил его.

В окна избушки, расписанныя дыханіем мо-

роза, в опрятную горницу глядѣлъ сѣрый, грустный полумрак метельнаго утра. Причмокивая губами, Меласипп проворно одѣлся, из рукомойника поплескалъ на морщинистое лицо студеную воду, перед зеркальцем на комодѣ расчесал на затылкѣ и висках остатки сѣдыхъ волос, особенно заботливо расчесал баки и торопливо начал прибирать постель.

Меласипп Федотыч Ергунов, прожил на своем вѣку уже семьдесят два года. Бывшій крѣпостной слуга мужа генеральши, он отдал службѣ у своего барина большую часть жизни, сопровождая его каждый шаг. Побывалъ с ним на Кавказѣ, участвовал во взятіи Самарканда, былъ в Хивинском походѣ, остался при баринѣ и послѣ отпуска крестьян на волю, а послѣ его смерти, согласно завѣщанія барина, остался при барынѣ для охраны ея покоя.

Былъ женат. но рано овдовѣлъ и остался бездѣтнымъ.

Прибравъ кровать, Меласипп наскоро подмелъ вѣником пол горницы, одѣлъ малиновую ливрею, шитую золотнымъ позументомъ, накинулъ на плечи бараній тулупъ, одѣлъ заячью шапку с ушами и вышелъ на дворъ на метель...

3.

На дворѣ усадьбы метель бушевала не сильно и временами снѣгъ падалъ совершенно отвѣсно, какъ будто то в небесахъ кто то просѣивалъ отруби.

Меласипп внимательно посмотрѣлъ на небо и пошел в сад, по своей обычной утренней дорогѣ, для провѣрки — все ли в порядкѣ вокруг дома.

У параднаго, лѣтняго подъѣзда с литыми из красной уральской мѣди львами, он остановился, замѣтив особенно много свѣжих заячьих слѣдов, осмотрѣвъ их, поднялся по заснѣженным ступеням на терассу с колоннами и неожиданно для себя увидѣлъ на одной из колонн новую трещину.

Причмокивая губами и покачав головой, спустился обратно в сад и пошел вокруг дома, но, услышав шаги около полѣниц березовых дров, остановился.

— Егор, это ты что-ли там ходишь?

Среди полѣниц сиплый голос отвѣтил:

— Я Меласипп Федотыч.

И скоро на тропинку вышел высокій, грузный мужик в распахнутом полушубкѣ, без шапки, неся на спинѣ вязку дров.

— С добрым утречком.

— Здравствуй Егор. Дрова то носишь из дальней полѣницы?

— Точно так. Как приказывали.

— Дивлюсь я, почему это в ней дрова сырыя. Год простояли на волѣ, а сырыя. Вчерась в спальнѣ барыни уж больно шипѣли.

— С чего бы это им сырыми быть? Снѣгом их больно занесло нонче, это правда.

— Ишь, ты, как метет сегодня.

— Как же, метет, что и говорить. Буря... Стало быть прикажете в залу дров побольше натащить? Барыня видно опять спать не будет? Дивлюсь я, пошто это она в метельные ночи не спит.

— А тебѣ зачѣм это знать?

— Да так. Бабѣ моей это больно интересно.

— А ты не знаешь, что бабам завсегда все интересно знать?

— Это правильно. Да только пристаёт, узнай, да узнай у Меласиппа Федотыча, почему барыня не спит когда метель. Я так так об этом разумею, что не спит она от тоски. Тоска ее мучает. Старая она у нас. Пожила в волю.

— Вспоминанія ее разныя беспокоят в метель Егор. Понял, что ли?

— Как не понять... И поди — ж ты. Значит в метель ее одолѣвают вспоминанія разныя. Да что и говорить, поди есть что вспомнать. Пожила.

— Да что ты все затвердил: пожила, да пожила. Жалко тебѣ что ли, что она живет? Свой вѣкъ живет, не бойся, твоего не прихватит.

— Помилуй Бог, я не об этом. Пусть живет. Помоги ей Бог.

— То то и оно.

— Ну, Меласипп Федотыч, я пойду.

Сдѣлав шаг, Егор вновь остановился и почесал свободной рукой затылок.

— Я вот все думаю, что господская жизнь от нашей больно разнится. Вот хотя бы меня для примѣру взять. Я иногда тоже не сплю, особо когда животом маюсь, не сплю и о жизни своей думаю, а вспоминать о ней никак не могу научиться. А вѣдь навѣрное и у меня должно найтись, что надо вспомнать?

— Погоди ужь настанет время и вспоминать научишься. Не безпокойся. Старость, она, милый мой, всѣ шаги пройденные вспомнить заставит. Придет старость и вспомнишь, что когда было, кто по головкѣ гладил, а то кто и бил, и за что бил... Да что это я с тобой разболтался. Ну чего стоишь? Тащи дрова. Да когда в кухню идешь отресай с пимов снѣг, а то кухарка жалуется барынѣ, что много снѣгу натаскиваешь, слѣдишь. Сам знаешь, какая у нас кухарка вредная на язык... Да шапку надѣвай на башку то, когда по волѣ бродишь, застудишь мозги, так на старости покоя от них не будет. Ну шагай, шагай да и меня не задерживай.

Егор громко разсмѣялся.

— Чего нашел смѣшного в моих словах? Не гогочи, как гусак; не видишь, что под окнами барыниной спальни стоим. Тоже народ. С ним по душѣ говоришь, а он гы да гы. Ну тебя совсѣм.

Махнув рукой! Меласипп частыми, мелкими шажками направился к черному крыльцу, а из конуры у крыльца навстрѣчу выбѣжали три заинде-

вѣвших дворняжки и, ласкаясь, завертелись около ног, виляя хвостами.

— Ага поѣдѣли от мороза, тѣлохранители, дармоѣды! Дрыхнете ночью то, вмѣсто того, чтобы зайчишек от дома гонять, да не позволять грызть черемухи. Ну ладно, ладно. Пустите и без того я замѣшкался сегодня.

Поднялся на крыльцо, отряхая снѣг, постучал нога, об ногу, открыл дверь и вошел в сѣни увѣшанныя луком, вѣниками и заколотыми гусями. Пройдя их, открыл обитую кошмой дверь в кухню, вошел в нее окутанный клубами морознаго пара.

Но не успѣл он затворить за собой дверь, как у печки на него закричала сердито толстая кухарка Михайловна.

— Затворяй, затворяй скорѣй дверь. Не видишь, что на шесткѣ квашенка стоит. Опадет, не дай Бог, от мороза. Ходят взад вперед разныя раззявы...

Михайловна повернулась к вошедшему и, увидѣвъ Меласиппа, сразу притихла, а злое выраженіе ея лица согрѣла ласковая улыбка.

— Ох ты Господи, а мнѣ и не в домек дурѣ, что это вы, Меласипп Федотыч, пожаловали. Как спали?

— Спал да вот проснулся.